

UNE VISION

Très humble hommage à la troupe du Théâtre Artistique de Moscou et tout particulièrement à Madame KNIPPFR-TSCHEKHOVA et à MM. STANISLAVSKI et MOSKVINE après la 1-ère représentation de TZAR FEODOR JOHANNOVITSCH

Ce fut, lumière éteinte, un rêve étincelant...
 A nos yeux fascinés, sauvage et magni-
 [fique,
 Surgit la vision d'une page horripifiante,
 Evoquant un passé formidable et
 [sanguinant...
 archands... Boyards... Guerriers... Tzar
 [naïf et dolent,
 écrasé sous le faix de son destin
 [tragique...
 Tzarine aimante et belle, à la voix
 [angélique, —

Tout un monde archaïque au parfum
 [violent. —
 Confondus dans la plus saisissante harmo-
 [nie
 Sur un fond chatoyant de couleurs et de
 [sons,
 Vivaient, l'âme en extase, une heure
 [d'agonie...
 Et, perdu dans la foule, où passaient des
 [frissons,
 Je sentis brusquement ma prunelle ternie
 De pleurs très purs que, seul, fait naître le
 [génie...

Bernard TAFT.

Paris le 7 décembre 1922.

Прологъ къ гастролѣмъ

« Молю вы,

« Да тоже вы глаголете, да распри

« Не будутъ въ васъ, да въ томъ же разумныи

« И въ этой же мысли будете!»

Въ первый разъ въ Парижѣ, въ переполненномъ залѣ собрались русскіе не для «распри», а для совѣснаго, общаго, единодушнаго поклоненія русской національной гордости и словъ, гениальному творенію К. С. Станиславскаго и В. Н. Немировича - Данченко и ихъ братьевъ и сестеръ по духу.

Началось это небывалое еще торжество русской культуры, русскаго гениа чествованіемъ «художниковъ» въ роскошномъ театрѣ Елисейскихъ полей 4 декабря, накануне ихъ перваго представленія.

Передъ переполненнымъ публикою огромнымъ театральнымъ заломъ взвился занавѣсъ, и мы увидѣли нашихъ гостей, во главѣ съ Станиславскимъ, посреди обширной сцены, всю ширину которой они — двумя рядами — заняли, не безъ волненія ожидая «первой встрѣчи»...

Громъ аплодисментовъ, горячихъ, достигъ единодушныхъ, былъ первымъ отвѣтомъ нашимъ общимъ ожиданіямъ... Грандиозная, безудержная, шедшая отъ сердца, отъ души манифестація, всыпавшая каждый разъ во время рѣчей и послѣ рѣчей Ж. Еберто, А. Антуана, Коппо, К. С. Станиславскаго и закончившаяся бурей оваций послѣ доклада А. Я. Левинсона въ честь «Москвичей».

О чемъ говорила Еберто, Антуанъ и Коппо? Въ сущности, это не важно. Пуб-

лика болѣе слушала какъ и о комъ они говорили... Но она поняла изъ нескладной, но задумчивой рѣчи взволнованнаго Антуана, что онъ, отецъ новаго французскаго театра, долженъ «учиться» у москвичей, потому что онъ не могъ довести своего дѣла до конца, а они, съ Станиславскимъ во главѣ, добились своего, несмотря на переживаемые кошмарные годы... Красиво Еберто сказалъ о чести, выпавшей на его долю принимать и привѣтствовать у себя первую въ мірѣ труппу: какъ приятно прозвучали и запали намъ въ душу: «vous, Constantin Stanislavsky et Votre Compagnie» такъ называютъ Академію безсмертныхъ, труппы великихъ Шекспира, Мольера...

Художественно отчеканенное слово сказалъ Коппо, директоръ и создатель театра le Vieux Colombier о томъ влияніи и духовномъ общеніи, которое устанавливается между Москвичами и тѣми, которые еще не видѣли, не слышали Станиславскаго и Художниковъ, отъ первой встрѣчи съ ними, отъ взгляда на нихъ...

И взволнованный К. С. отвѣтилъ по французски:

— Я долженъ отвѣтить вамъ...

И говорилъ о своей мечтѣ играть въ Парижѣ, о своихъ «учителяхъ», — о французскомъ театрѣ (Comédie Française) французскихъ артистахъ. — И вотъ мы пріѣхали, и вы увидите, что мы знаемъ, что умѣемъ... Еще декораций нашихъ нѣтъ, но мы завтра будемъ играть...

И они играли...

Е. С-въ